

SVETLANA PAVLENKO

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7443-2856>

Uniwersytet Gdańskie

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ЯЗЫЧЕСТВА В ДИЛОГИИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА *ТОБОЛ*

THE CONFLICT BETWEEN CHRISTIANITY AND PAGANISM IN ALEXEI IVANOV'S *TOBOL* DUOLOGY

The article examines the features of the Khanty and Mansi peoples' Christianisation on the example of Alexei Ivanov's two-part novel *Tobol*. The transition from pagan beliefs to Orthodoxy is shown from different angles: from the point of view of the indigenous population of Siberia and non-local missionaries. The adoption of Christianity took place in several stages; it had both voluntary and violent character, which found its reflection in the duology. The article analyses the four Orthodox missions of Metropolitan Philotheus (Leshchinsky) and characterizes the selected personages involved in the confessional conflict. The problem of reconstructing the images of historical characters is also discussed. In addition, special attention is paid to the motif of otherness of autochthons and how it is embodied in the text.

Keywords: modern Russian literature, Alexei Ivanov, Siberia, a religious conflict, the Khanty and Mansi

Алексей Иванов (род. 1969) по праву считается одним из ведущих прозаиков современной русской литературы. Его произведения многократно экранизировались, а также становились объектом научного изучения. Среди художественных особенностей романов писателя особо стоит отметить поэтизацию и мифологизацию различных регионов России. Владимир и Марина Абашевы справедливо констатируют:

Геопоэтическая модель Урала, сформировавшаяся в 1920–1930-е гг. в творчестве Бажова, в начале 2000-х гг. получила развитие в прозе Алексея Иванова, в цикле его уральских романов: «Сердце пармы», «Географ глобус пропил» и «Золото бунта»¹.

¹ В. В. Абашев, М. П. Абашева, *Литература и география: Урал в геопоэтике России*, «Вестник Пермского университета. Серия: История» 2012, № 2 (19), с. 147.

Если добавить к этому авторские документальные проекты в жанре «иденти» (например, *Message: Чусовая, Хребет России*)², то можно говорить о более широкой сфере деятельности — историко-культурном брендинге территории, который учитывает, в частности, дохристианское прошлое уральской земли.

С точки зрения заглавной темы статьи — конфессионального противостояния — интересен роман Иванова *Сердце пармы* (2003), поскольку христианство и язычество представлены здесь как равноправные элементы, а «за национально-религиозно-государственными проблемами скрывается экзистенциальная идея Судьбы, Рока, Предопределения, проблемы выбора и поиска пути [...]»³. К проблеме противоборства духовно-ценостных систем автор обращается также в книге *Тобол*, состоящей из двух томов: *Тобол. Много званых* (2016) и *Тобол. Мало избранных* (2018). Писатель на несколько лет оставляет «уральскую» тему, чтобы погрузиться в иной пространственно-временной континуум — Сибирь Петровской эпохи. Иванов неоднократно публично высказывался об особенностях своего художественного труда, акцентируя внимание на разветвленной системе персонажей и жанровой неоднозначности произведения: «Тут и мистика, и детектив, и экшн, и война. И все это я прочно и не противоречиво вплел в реальную историю, когда одно мотивирует другое»⁴. Стоит отметить, что, помимо императора Петра I, героями романа стали многие исторические личности, чьи биографии связаны с Сибирью, например: губернатор Матвей Гагарин, тобольский Леонардо да Винчи — Семен Ремезов, митрополиты Филофей (Лещинский) и Иоанн (Максимович), полковники Григорий Новицкий и Иван Бухгольц, пленный швед Филипп Иоганн фон Страленберг и пр.

Даниил Бондарчук и Янина Солдаткина, анализируя *Тобол*, выделяют такие конститутивные характеристики «сибирского текста», как

² Имеется в виду «идентификация региона». См. Ю. Щербинина, *Преодоление пространства*, «Волга» 2010, № 5, <https://magazines.gorky.media/volga/2010/5/preodolenie-prostranstva.html> (10.10.2024).

³ А. М. Лобин, *Эволюция историзма в романе Алексея Иванова «Сердце пармы»*, «Вестник Вятского государственного университета» 2012, т. 1, № 2, с. 120.

⁴ К. Пульсон, *Тобол. Игра престолов и другие...*, «Читаем вместе» 2017, № 5 (130), с. 11.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ЯЗЫЧЕСТВА...

пограничье и мультикультурность, противопоставленность центра и окраины, семантическая амбивалентность (красота и суровость природы, столкновение греховности и праведности, преступников и святых, любви и ненависти, христианства и язычества)⁵.

Здесь, однако, следует сделать одно важное замечание: применительно к прозе Иванова правильнее говорить о семантической поливалентности образа Сибири. В пользу этого свидетельствует этнический и религиозный облик региона, сохранившийся по сей день, хотя и в видоизмененном варианте. Наряду с христианизацией коренных народов Сибири, в романе ставится проблема исламизации Зауралья, раскола Русской православной церкви, протестантизма (эпизоды с пленными шведами), а также перехода от христианства к язычеству (апостасия Новицкого)⁶. В настоящей статье речь пойдет о противостоянии православных (никонианских) и языческих начал, специфике изображения религиозного конфликта и участвующих в нем сторон. Данный вопрос не получил широкого освещения в научной литературе, поэтому требует более тщательной разработки и конкретизации. Методологической основой исследования стали труды, посвященные «сибирскому тексту» в русской культуре, в особенности его этнографическому и колониальному уровням⁷. В ходе решения обозначенных задач применялись структурно-типологический и контекстуальный методы анализа.

Под емким понятием «язычество» кроются исконные верования остыков и вогулов, другими словами, народов ханты и манси. Им присущи такие элементы, как мифологическое сознание, тотемизм, анимизм, магия, различные культы, в меньшей степени шаманство (если сравнивать с другими народами Сибири)⁸,

⁵ Д. Е. Бондарчук, Я. В. Солдаткина, *Мифологема Сибири в дилогии А. В. Иванова «Тобол»: генезис, геопоэтика, аксиология*, «Наука и Школа» 2024, № 1, с. 12–13.

⁶ Об этом упоминается в ранее опубликованной статье Солдаткиной: *Евангельские притчи в дилогии А. В. Иванова «Тобол»: аксиологические и эстетические функции*, «Филологические науки. Научные доклады высшей школы» 2022, № 4, с. 146.

⁷ Подробнее см., например: Е. К. Созина, *Этнографически-колониальный субтекст в составе сибирского текста: по произведениям К. Носилова и П. Инфантьева* // К. В. Анисимов (ред.), *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве*, Сибирский федеральный университет, Красноярск 2010, с. 108–132.

⁸ З. П. Соколова, *Ханты и манси. Взгляд из XXI века*, Наука, Москва 2009, с. 644.

хотя шаманские мотивы играют существенную роль в дилогии Иванова. Первое столкновение русских и остяков, изображенное в главе с говорящим названием *Брать все*, не имеет под собой религиозной подоплеки, однако раскрывает корни этнического конфликта и разницу мировоззрений враждующих сторон. Служилые люди повторно прибывают в осяцкое селение Певлор, чтобы забрать у местных жителей последнее, причем

Остяки не противились грабежу, даже мужчины. Остяки не понимали, как можно воровать или отнимать, ведь у каждой вещи, у самой последней рваной тряпки, есть свой дух, и он отомстит за хозяина. А вот русские легко брали чужое, и потому остякам казались колдунами. Откуда русские столько всего знают и умеют? Остяки смотрели на русских с северной опаской и отчаяньем. Вещей, конечно, им было жалко, но гнев отступал перед страхом⁹.

Демонизация образа притеснителей наблюдается не только в хантыйском фольклоре, но и в преданиях других коренных жителей Сибири. Историк Вадим Трепавлов замечает по этому поводу:

[...] на ранней стадии межэтнических контактов реальность и вымысел причудливо переплетались. Русские несомненно воспринимались как носители некоей сверхъестественной неодолимой силы, которая позволяла им одерживать победы¹⁰.

Певлорский князь-язычник Пантила Алачеев, в отличие от своих земляков, полагает, что могущество пришельцев заключается в их чрезмерной самоуверенности и чувство вседозволенности¹¹. С этими характеристиками напрямую сопряжена идея собственной богоизбранности, которая определяет поведение многих персонажей *Тобола*, например губернатора Гагарина, «царя» Сибири, выступающего двойником Петра I. Грех гордыни объединяет разных действующих лиц, совершающих злодеяния с именем Господа на устах. Даже положительные герои, такие как Ремезов или Иван Демарин, ослепленные своими мечтами, нарушают моральный закон, но в данном случае речь идет о духовном росте через болезненный опыт и преодоление соблазнов.

⁹ А. Иванов, *Тобол. Много званых*, Издательство АСТ, Москва 2017, с. 38–39.

¹⁰ В. В. Трепавлов, *Образ русских в представлениях народов России XVII–XVIII вв.*, «Этнографическое обозрение» 2005, № 1, с. 109.

¹¹ А. Иванов, *Тобол. Много званых...*, с. 43.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ЯЗЫЧЕСТВА...

Начиная с XVII в., и особенно активно с XVIII–XIX вв., начинается обращение народов ханты и манси в православие. Формы обращения имели различный характер: от постепенного мировоззренческого до насильственного обращения¹²,

— пишут Владимир и Марина Сторчак. В дилогии Иванова представлены оба варианта крещения коренного населения Сибири, что соответствует исторической правде и отражено в документах того времени¹³. Во главе православных миссий был поставлен святитель Филофей (1650–1727). Автор сохраняет в тексте основные вехи его реальной биографии: украинское происхождение, обучение в Киево-Могилянской академии, пост эконома Киево-Печерской лавры и архимандрита Брянского Свенского монастыря, посвящение в митрополиты Тобольские и Сибирские (1702), открытие в Сибири первых духовных учебных заведений и театра, борьба с расколом, принятие схимы, учреждение храмов, масштабное путешествие (Туруханск, Иркутск, Байкал, Селегинск), добровольная отставка и удаление в тюменский монастырь. Однако главным вектором деятельности Филофея стало распространение христианства: «[...] он окрестил тридцать тысяч язычников, увеличил число храмов со 160-ти до 448-ми, и в строительстве 37-ми из них участвовал лично»¹⁴.

Впрочем, первое знакомство с Сибирью обернулось для митрополита горьким разочарованием:

¹² В. М. Сторчак, М. В. Сторчак, *Синкетические содержания в религиозном мировоззрении народов ханты и манси*, «Миссия конфессий» 2022, т. 11, ч. 4, с. 30.

¹³ В XVII веке крещение сибирских иноверцев не являлось первостепенной задачей. К примеру, в указе царевны Софии Алексеевны сказано: «Буде которые иноземцы похотят креститься в православную христианскую веру волею своею, и их велеть принимать и крестить, а неволею никаких иноземцев крестить не велеть». Цит. по: Ю. Г. Акимов, *Европейские источники трансформации отношения русских к христианизацииaborигенов Сибири в Петровскую эпоху*, «Вестник Российской христианской гуманитарной академии» 2020, т. 21, № 4 (1), с. 221. Религиозная политика по отношению к коренным сибирякам ужесточилась, когда к власти пришел Петр I, стремившийся создать «регулярное государство» и преобразовать страну по европейским образцам. Поскольку число новообращенных не оправдало ожиданий царя, в 1710 году он отправил митрополиту Филофею грамоту, в которой содержался призыв уничтожать культовые объекты хантов, а «если кто остыки учинят противостоять сему указу и тем будет казнь смертная». Цит. по: там же, с. 222.

¹⁴ А. Иванов, Ю. Зайцева, *Дебри*, Издательство АСТ, Москва 2017, с. 425.

Кругом язычники, раскольники и махометане. Храмов мало, нищие попы крестьянствуют и торгуют, службы ведут во хмель и абы как — уже нишиша не помнят ни чинов, ни канонов. Обители полупустые, монахи побираются по слободам, а самые неистовые заводят на посадах баб¹⁵.

Предпринимаемые героем попытки трансформировать духовное пространство региона без понимания его глубинных основ приводят к краху надежд и тяжелой болезни: «Неподъемная и неповоротливая Сибирь оказалась глуха к его дерзаниям. Здесь вечно будут шуметь ярые кедрачи, а люди вечно будут жить по законам тайги, постепенно превращаясь в деревья»¹⁶. В случае Филофея и владыки Иоанна, то есть чужаков, сибирская земля становится местом инициации и испытания, более того, через нее лежит путь к обретению святости, ведь оба проповедника впоследствии были канонизированы.

Христианизация обских угров, как и колонизация Сибири, если брать шире, проходила в несколько этапов: сначала уничтожались идолы, и только спустя некоторое время наступало крещение¹⁷. Иванов в трансформированном виде описывает миссии Филофея, имевшие место в действительности в 1712–1715 годах. Автор умело вплетает в ткань повествования фантастические элементы, разбавляя исторические факты вымыслом, а также делая сюжет более фактурным и захватывающим. Во время экспедиции 1712 года немногочисленная команда святителя, передвигавшаяся на дощанике по Оби, состояла из представителей

¹⁵ А. Иванов, *Тобол. Много званых...*, с. 77.

¹⁶ Там же, с. 79. В мотивной структуре произведения фитонимические образы выполняют разные функции, в том числе выступают в качестве индикатора отличия христиан от язычников. Ср.: «[...] Новицкий не мог отделаться от ощущения, что владыка проповедует деревьям. Да остяки и были как деревья: жили медленно и терпеливо; ничего у них в жизни не менялось, и их самих ничто не могло изменить; они как-то незаметно вырастали и так же незаметно умирали, а после смерти, наверное, становились пнями и валежником». См. там же, с. 193–194.

¹⁷ Историк Петр Буцинский, опираясь на свидетельства Новицкого, объясняет это следующим образом: в 1712 году Филофей посредством проповеди подрывал веру остяков в идолов и сжигал их объекты поклонения. Через год святитель возвращался в то же место и обращал всех желающих в православие. Число сторонников христианства росло, так как кара со стороны языческих богов за это время не наступала, а жизнь шла своим чередом. См. П. Н. Буцинский, *Крещение остяков и вогулов при Петре Великом*, Типография Губернского Правления, Харьков 1893, с. 63–64 (орфография приведена к современным нормам русского языка).

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ЯЗЫЧЕСТВА...

духовенства, служилых людей и казаков. Охрана миссионеров была поручена ссыльному полковнику Новицкому, который, как и его прототип, стал автором первого этнографического труда, посвященного хантам¹⁸. Проповедь митрополита, обращенная к язычникам, носила мирный характер:

Филофей собирал остяков и просто объяснял им, почему бог один, кто такой Христос, зачем нужна вера православная и отчего дьяволу угодны идолы. Остяки не очень-то верили. Покреститься соглашались совсем немногие, и лишь в нескольких селениях жители разрешили сжечь своих истуканов. Но Филофей сохранял спокойствие и не пытался принуждать инородцев силой. Он лишь просил их подумать и хотя бы год не ходить на капища¹⁹.

Герой также прибегает к рациональным аргументам, указывая остякам на их малочисленность, слабость и нищету. Крайняя бедность — это весомый довод, поскольку из крещения можно было извлечь материальную выгоду:

С новокрещенов снимались недоимки, а ясак вовсе не взимался в течение трех лет. Былые преступления прощались. Каждый новокрещен получал рубаху с портами, кафтан, шапку, рукавицы и чирики (кожаную обувь)²⁰.

Однако ни щедрые подарки, ни деньги, ни обещание бессмертия не оказывают должного воздействия на автохтонов. С точки зрения миссионеров, разорение хантов являлось следствием регулярных жертвоприношений, но существовала и другая сторона медали, показанная в романе: система налогообложения, недобросовестные сделки и разбойническая деятельность служилых людей.

В 1713 году Филофей и его сподвижники сталкиваются с иной проблемой — исламизацией коренного населения Сибири, которой занимались абызы. Бухарцы могли вести торговлю только с единоверцами, поэтому им было выгодно обращать остяков в свою религию, пользуясь наивностью последних. В результате

¹⁸ Новицкий написал *Краткое описание о народе остяцком* (1715). Иванов вспоминает об этом в *Тоболе*, даже приводит цитаты из сочинения ссыльного казака. См. А. Иванов, *Тобол. Мало избранных*, Издательство АСТ, Москва 2018, с. 366–367. Кроме того, Новицкий подробно изложил в своем труде миссионерские экспедиции владыки. Его описание странствий и борьбы Филофея с нечистой силой выдержано в агиографической манере.

¹⁹ А. Иванов, *Тобол. Много званых...*, с. 192.

²⁰ А. Иванов, Ю. Зайцева, *Дебри...*, с. 319.

нехитрых манипуляций часть населения Певлора присоединилась к приверженцам Аллаха и встретила православных миссионеров стрелами²¹. Нападение остяков удалось отразить, после чего последовала месть со стороны губернатора Гагарина и служилых:

А утром русские снарядили свои корабли для плаванья, вернулись на высокий берег — и вдруг набросились на Певлор, словно демоны морт-пор-нэ, которые у воды — люди, а в лесу — чудовища. Неужели это они вчера сидели с остяками у очагов, ели из общего котла, подмигивали девкам, восхищались мощью медвежьих клыков на перевязях мужчин? Уже не гнев, а отчаянье захлестнуло Пантилу: почему остяков все безжалостно обманывают и беспощадно предают? Их предали бухарцы со своей луной, предали русские со своим крестом, предали собственные боги с идолами и капищами!²²

Безнравственность и склонность к насилию присущи определенной группе как главных, так и второстепенных персонажей. Разумеется, такая ценностно-смысловая ориентация идет вразрез с православной этикой, обесценивая ее в глазах обских угров: «Почти все русские, которых знал Пантила, сами творили зло, будто бы о добре говорил не их бог, а чей-то чужой»²³. Использование автором приема переменной внутренней фокализации дает возможность рассматривать религиозную конверсию с разных точек зрения, в частности сквозь призму сознания обращающихся. Для обманутых и взятых в плен остяков, среди которых оказался Пантила, крещение стало единственной возможностью избежать ссылки и последующего рабства, то есть приобщение к христианству гарантировало свободу, но отнюдь не означало духовного пробуждения. Филофей, трактующий православие в числе прочего в социально-правовом ключе²⁴, прекрасно

²¹ Подобная ситуация имела место в 1714 году, когда команда Филофея прибыла в Бурейковые юрты. Местные жители, принявшие мусульманскую веру, стреляли в православных из луков и пищалей, убили трех человек и ранили в живот митрополита, но он чудесным образом остался невредим. См. Г. Новицкий, *Краткое описание о народе остяцком*, Типография В.С. Балашева, Санкт-Петербург 1884, с. 77–78 (орфография приведена к современным нормам русского языка). В дилогии Иванова в результате нападения остяков погибли два миссионера, а раненный в ногу Филофей оказался временно в плену. Писателю важно было подчеркнуть не столько способность героя совершать чудеса, сколько его гуманность и милосердие в экстремальных условиях.

²² А. Иванов, *Тобол. Много званных...*, с. 334.

²³ Там же, с. 492.

²⁴ Герой убежден, что единая религия сведет супрематизм на нет, так как одноверцы обладают равными правами.

это понимает: «Крещенье еще не вера [...]. Но без него веры не бывает»²⁵.

В документальном исследовании Дебри Иванов и Юлия Зайцева обращают внимание на одну интересную деталь: «остяки не желали креститься, потому что обряд проводился в реке, а северные инородцы не умели плавать (в ледяной Оби не купаются), потому боялись погружаться в воду»²⁶. Кроме того, ханты и манси почитали и до сих пор почитают жизнедающую водную стихию — неотъемлемый элемент их мифологии и ритуальных практик. По этой причине, как утверждает Татьяна Волдина, «люди не позволяли себе осквернять реку, не входили в воду купаться, не стирали там белье, не бросали мусор, не позволяли плонуть [...]»²⁷. Если человек тонул, то становился добычей водного духа — его участь была предрешена. В романе Иванова служилые намеренно столкнули Пантилу и других новообращенных осяков в реку, но почти всех утопающих спас Филофей (здесь просматривается аналогия с Христом)²⁸. Таким образом водная стихия соединила судьбы святителя и князя, предоставив последнему шанс начать новую жизнь. Бывший язычник стал не только учеником Филофея, но и его проводником в мир таежных людей²⁹. Следует заметить, что чем сильнее вера Пантилы в «русского» Бога, тем слабее связь Новицкого с христианским миром. Став случайной жертвой магического приворота Айкони, Григорий постепенно теряет свободу воли, а вместе с ней и человеческий облик. В то же время

²⁵ Там же, с. 422.

²⁶ А. Иванов, Ю. Зайцева, *Дебри...*, с. 329.

²⁷ Т.В. Волдина, *Огонь как связующее и трансформирующее начало и Вода как символ жизни и смерти в традиционной культуре обских угров*, «Финно-угорский мир» 2016, № 2, с. 86.

²⁸ Солдаткина справедливо заключает: «[...] в митрополите Филофее Иванов выводит практически идеальный образ православного служителя, сопоставимый по эмоциональной окраске и аксиологической семантике, по своему влиянию на окружающих со старцем Зосимой из романа ‘Братья Карамазовы’». См. Я. В. Солдаткина, *Евангельские притчи в дилогии А. В. Иванова «Тобол»...*, с. 146.

²⁹ Образ проводника является важным компонентом «сибирского текста», а также приметой этнографического повествования. Реальный князь Алачев крестился по собственному желанию в 1712 году, с него взяли пример еще тринадцать осяков. В экспедициях владыки он не участвовал. См. Г. Новицкий, *Краткое описание о народе осяцком...*, с. 73. Иванов вдохнул жизнь в этого персонажа, показывая на его примере, какую форму может принять противостояние христианства и язычества на микроуровне — в духовном пространстве отдельной личности.

происходит «осибиризование» Филофея благодаря его поездкам и общению с автохтонами.

Непростой оказалась миссия 1715 года, когда герои отправились на Конду и в Ваентур — места, заселенные ярыми противниками православия. Такая враждебность со стороны манси объясняется характером колониальной политики, проводимой на их территории:

Остяки столкнулись с русскими только после похода Ермака, а вогулы сошлись с ними еще во времена новгородского веча. Вогулы многое переняли у русских — вон и деревни их немного похожи на русские, — однако Христа вогулы к себе не допустили. У них было гораздо больше опыта сопротивления. Они были злее к русским, потому что первые сибирские воеводы извели и перебили всех князей Мансипала — так вогулы называли свою землю. Вогульские кумиры были щедро обрызганы вогульской кровью, которую без жалости проливали русские³⁰.

Языческое сопротивление возглавили ваентурский князь-шаман Нахрач Евплоев и остячка Айкони, освоившая ритуалы камлания еще в Певлоре. Это типологически сходные персонажи, хотя первый имеет исторический прообраз³¹, второй же, напротив, является плодом литературного вымысла. Прежде всего писатель подчеркивает их «нечеловеческую» природу, которая объясняет превосходство этих героев как над соплеменниками, так и чужаками (христианами и мусульманами), называющими автохтонов детьми, игрушками, глупыми варварами и т.д. Инаковость Нахрача и Айкони маркируется различными способами. Во-первых, в тексте регулярно встречаются анималистические сравнения, в основном с хищниками:

Он [Нахрач — С. П.] очень нравился Айкони. Конечно, он горбун. Он всегда согнут, будто готовится напасть, у него широкие плечи и длинные, растопыренные руки, у него лицо в щетинистых морщинах, и он похож на огромного мохнатого паука. Он словно бы немного зверь — но ведь он и не совсем человек. Он не признает непокорности, как не признает ее волк-вожак. Он не боится того, чего боятся все люди. Он не чтит богов: он дерется с ними, хотя иногда боги его бьют; он силой и коварством заставляет богов исполнять его волю, и кормит только тех богов, которые сумели дать ему отпор. Он жаден к жизни, ему все надо. Он упрямый, смелый и яростный. Он жестокий, но честный. Он держит свое слово³².

³⁰ А. Иванов, *Тобол. Мало избранных...*, с. 81–82.

³¹ Его описание содержится в труде Новицкого. См. Г. Новицкий, *Краткое описание о народе остяцком...*, с. 99–101, 106.

³² А. Иванов, *Тобол. Мало избранных...*, с. 411.

Во-вторых, Иванов наделяет этих героев физическими особенностями, отличающими их от других персонажей: Нахрач — горбун, а у Айкони есть сестра-близнец. В-третьих, конструируя образ «другого», писатель обращается к ханты-мансийской мифологии и фольклору. Нахрач — черный шаман, который не только играет роль посредника между богами и людьми, но и управляет невидимым миром духов и демонов. Айкони идентифицирует себя с Миснэ — лесной женщиной (духом), фигурирующей в мансийских сказках³³. В свою очередь, Новицкий воспринимает героиню после ее побега из Тобольска (ухода от цивилизации) как «полудикое таежное страшилище»³⁴, олицетворение дьявольской силы. И наконец, в-четвертых, Нахрач и Айкони — это «дети» тайги. Они тесно связаны с колдовским лесным пространством, в котором находятся сакральные для них места — капища³⁵. Тайга выступает в романе не только как характерная составляющая «сибирского текста», но и главный оплот язычества:

Здесь, в лесу на Конде, Григорий Ильич повсюду чувствовал присутствие тайной языческой жизни: в реке, в тайге, под землей. Эта жизнь вовсе не была злоказненной. Она не замышляла пагубы на душу. Но она оплетала, как паутина, причудливыми правилами, приметами, условиями, и в конце концов порабощала, подчиняла, лишала свободной воли. [...] Григорий Ильич не боялся, что язычество опутает его душу и он погибнет. Он уже погиб, это ясно³⁶.

Сопоставляя образы автохтонных героев, нетрудно заметить существенную разницу между ними. Айкони относится к динамичным персонажам: по мере развертывания сюжета ее внешность и характер претерпевают изменения. Героиня пережила насилие, неволю, предательство, побег, изгнание из родного

³³ См. Л. Н. Панченко, *Персонажная структура мансийского фольклора: лесная женщина Миснэ*, «Вестник угреведения» 2019, т. 9, № 4, с. 692–701.

³⁴ А. Иванов, *Тобол. Много званых...*, с. 528. В *Кратком описании о народе остяцком* орудием Сатаны назван Нахрач. См. Г. Новицкий, *Краткое описание о народе остяцком...*, с. 106.

³⁵ Образ тайги, представленный в дилогии Иванова, более подробно рассматривается в статьях: Д. Е. Бондарчук, Я. В. Солдаткина, *Мифологема Сибири...*, с. 16–17; А. С. Сазонова, *Поэтика сибирского текста в романе А. Иванова «Тобол»*, «Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева» 2020, т. 1, № 1, с. 24.

³⁶ А. Иванов, *Тобол. Мало избранных...*, с. 517.

Певлора, скитания по тайге. По ее мнению, «русский» Бог силен, но бесполезен, поскольку не помогает своим приверженцам, только прощает им бесконечные прегрешения³⁷. Прошлое Нахрача не изобилует травматическими событиями: портрет героя статичен.

Во время миссии 1715 года Филофей выиграл словесный поединок с князем-шаманом, но последнему все равно удалось обмануть русских, отдав им на сожжение поддельного идола³⁸. На первый взгляд, данная экспедиция не принесла никаких плодов, ведь язычники восторжествовали, однако неудача способствовала выработке новой стратегии борьбы: «Вогулы должны увидеть, что Нахрач не повелевает демонами, а служит им, и потому не может защитить тех, кого сам слабее»³⁹. Следовательно, шамана необходимо разоблачить и лишить власти, а Айкони крестить насильно, ведь именно так тогда работал механизм помилования.

Последняя и самая кровопролитная миссия, описанная в дилогии, произошла в 1716 году. Главная схватка здесь развернулась между ревнителями православной веры и языческой тайгой с ее многочисленными демонами и ловушками. В процессе пути первостепенные персонажи открывают свое истинное предназначение. Для Нахрача и Айкони преодоление таежных дебрей стало испытанием на преданность идолу Ике-Нуми-Хауму и друг другу (причем шаман его не выдержал), для прозе-

³⁷ Там же, с. 673.

³⁸ Согласно историческим источникам экспедиция Филофея 1715 года действительно изобиловала сложностями. Вооруженные вогулы знали заранее о предстоящем приходе русских, который рассматривался ими как военно-данический поход, и не желали уступать пришельцам. Конфликтующие стороны долго не могли прийти к консенсусу, но страх наказания оказался сильнее проповеди: «Зачем вы [...] противитесь царскому повелению и отвергаете христианскую веру: знайте, что за непослушание прогневается Бог, и Государь пошлет войска истребить нас вконец и земля наша запустеет; повеление царево страшно и неслушающие его достойны смерти». Цит. по: П. Н. Буцинский, *Крещение остыков и вогулов...*, с. 74. История с подменой идола правдива, как и тот факт, что крещению своих соплеменников отчаянно препятствовал Нахрач. В 1717 году Евплаев был казнен за организацию антихристианского бунта, в ходе которого погибли миссионеры. См. М. О. Акишин, *Побратался поп с шайтаном... Православные идолопоклонники в Сибири XVIII века*, «Родина» 1997, № 5, <https://zaimka.ru/akishin-shaitan/> (28.03.2025).

³⁹ А. Иванов, *Тобол. Мало избранных...*, с. 86.

лита Пантилы — возможностью «примирить зов крови и зов правды»⁴⁰, для Филофея — способом познания настоящей Сибири и укрепления религиозного чувства:

Он понимал, что впервые в жизни очутился в настоящей Сибири — лешачьей, матерой и дикой. [...] Он не просто пробирается через трясину; он — мошка, что ползет по рылу чудовища: чудовище может смахнуть его лапой, а может и прихлопнуть. Но здесь он яснее, чем в храме, ощущает присутствие бога. Господь спасает человека даже в бездне, а подлинная Сибирь — воистину бездна⁴¹.

Кто же победил в этом противостоянии? Два тщеславных князя — Сатыга и Нахрач — погибли, но, что важно, не от руки миссионеров: во избежание обострения конфликта с русскими, первый убил второго. В порыве мести Айкони зарезала Сатыгу и понесла бы суровое наказание, если бы не вмешательство Филофея. Митрополит, Пантила и отец Варнава выжили в этой экспедиции, однако остальных их соратников навсегда забрала языческая тайга. Может показаться, что схватку выиграла Айкони, ведь Григорию не удалось склонить осячку к христианству. Кроме того, в finale героиня сбегает, обретая свободу, но лишается всего, что было ей дорого. Отсюда напрашивается элементарный вывод: в борьбе за веру нет победителей, зато есть множество мучеников и нежеланных жертв. Говоря о современном состоянии проблемы, писатель отмечает положительную динамику:

[...] сейчас в Сибири восторжествовало то отношение к верам, которое в романе обдумывает князь Пантила: «заповедник богов». Языческие боги «живут» на своих «канонических территориях», и православие, осуждая язычество, тем не менее не идет на него с «огнем и мечом». А в обществе потребления идолы, шаманы и язычество — модный бренд, который содействует «символической капитализации» региона⁴².

Подводя итог, необходимо отметить, что в романе *Тобол*, основанном на историческом материале, Иванов выявляет ключевые компоненты сибирской идентичности, к которым можно отнести

⁴⁰ Там же, с. 649.

⁴¹ Там же, с. 552–553.

⁴² Е. Дьякова, Алексей Иванов: «Глобализм и идентичность — Сцилла и Харпела России», <https://ivanproduction.ru/intervyu/globalizm-i-identichnost-sciylla-i-xaribida-rossii.html> (5.12.2024).

ти культурное многообразие, этноконфессиональную мозаичность, величие и торжество природы (в частности тайги), миф о Ермаке и т.д. Особое место в тексте отводится взаимоотношениям русских и автохтонов, конфликтовавших в Петровскую эпоху. На примере христианизации народов ханты и манси писатель анализирует сложные морально-этические проблемы, не боясь при этом задавать неудобные вопросы, связанные с методами формирования русской Сибири. Притеснения со стороны служилых людей вызывали ненависть обских угров и неприятие православия, хотя образ миссионеров, особенно митрополита Филофея, нельзя назвать отрицательным. В романе показаны случаи как добровольной, так и насильтвенной религиозной конверсии. Причем авторский релятивизм позволяет рассматривать данный феномен под разными углами, предоставляя читателю возможность самостоятельно сделать выводы.

REFERENCES

- Абашев, Владимир, Абашева, Марина. “Литература и география: Урал в геопоэтике России.” *Вестник Пермского университета. Серия: История*, 2012, no. 2 (19): 143–151.
- Акимов, Юрий. “Европейские источники трансформации отношения русских к христианизацииaborигенов Сибири в Петровскую эпоху.” *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 2020, vol. 21, no. 4 (1): 218–230.
- Акишин, Михаил. “Побратался поп с шайтаном... Православные идолопоклонники в Сибири XVIII века.” *Родина*, 1997, no. 5, <<https://zaimka.ru/akishin-shaitan/>>.
- Бондарчук, Даниил, Солдаткина, Янина. “Мифологема Сибири в дилогии А. В. Иванова ‘Тобол’: генезис, геопоэтика, аксиология.” *Наука и Школа*, 2024, no. 1: 11–20.
- Буцинский, Петр. *Крещение оstsяков и вогулов при Петре Великом*. Харьков: Типография Губернского Правления, 1893.
- Волдина, Татьяна. “Огонь как связующее и трансформирующее начало и Вода как символ жизни и смерти в традиционной культуре обских угров.” *Финно-угорский мир*, 2016, no. 2: 83–89.
- Дьякова, Елена. “Алексей Иванов: ‘Глобализм и идентичность — Сцилла и Харыбда России’,” <<https://ivanproduction.ru/intervyu/globalizm-i-identichnost-sciilla-i-xaribda-rossii.html>>.
- Иванов, Алексей. *Тобол. Мало избранных*. Москва: Издательство АСТ, 2018.
- Иванов, Алексей. *Тобол. Много званых*. Москва: Издательство АСТ, 2017.
- Иванов, Алексей, and Зайцева, Юлия. *Дебри*. Москва: Издательство АСТ, 2017.
- Лобин, Александр. “Эволюция историзма в романе Алексея Иванова ‘Сердце пармы’.” *Вестник Вятского государственного университета*, 2012, vol. 1, no. 2: 119–125.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ЯЗЫЧЕСТВА...

- Новицкий, Григорий. *Краткое описание о народе остяцком*. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1884.
- Панченко, Людмила. “Персонажная структура мансиjsкого фольклора: лесная женщина Миснэ.” *Вестник угреведения*, 2019, vol. 9, no. 4: 692–701.
- Пульсон, Клариса. “Тобол, Игра престолов и другие...” *Читаем вместе*, 2017, no. 5 (130): 8–11.
- Сазонова, Анастасия. “Поэтика сибирского текста в романе А. Иванова ‘Тобол’.” *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 2020, vol. 1, no. 1: 20–25.
- Соколова, Зоя. *Ханты и манси. Взгляд из XXI века*. Москва: Наука, 2009.
- Солдаткина, Янина. “Евангельские притчи в дилогии А. В. Иванова ‘Тобол’: аксиологические и эстетические функции.” *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 2022, no. 4: 143–152.
- Созина, Елена. “Этнографически-колониальный субтекст в составе сибирского текста: по произведениям К. Носилова и П. Инфантъева.” *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве*. Анисимов, Кирилл (ed.). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010: 108–132.
- Сторчак, Владимир, Сторчак, Марина. “Синкетические содержания в религиозном мировоззрении народов ханты и манси.” *Миссия конфессий*, 2022, vol. 11, no. 4: 28–34.
- Трепавлов, Вадим. “Образ русских в представлениях народов России XVII–XVIII вв.” *Этнографическое обозрение*, 2005, no. 1: 102–118.
- Щербинина, Юлия. “Преодоление пространства.” *Волга*, 2010, no. 5, <<https://magazines.gorky.media/volga/2010/5/preodolenie-prostranstva.html>>.